

УДК 947[470.6]

Т. А. Колосовская**ИДЕИ И ПРОЕКТЫ ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СОСТАВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
(КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XIX В.)***

В статье на основе широкой документальной базы рассматриваются идеи и проекты военной администрации Северного Кавказа рубежа XVIII–XIX вв. по проблеме интеграции региона в состав Российской империи.

Ключевые слова: военно-политическая история Северного Кавказа, интеграционные процессы, военная администрация, П. С. Потемкин, П. Д. Цицианов, интеллектуальная история.

Т. А. Kolosovskaya**THE IDEAS AND THE PROJECTS OF THE MILITARY AUTHORITIES IN THE CONTEXT
OF THE INTEGRATION OF THE NORTH CAUCASUS INTO THE RUSSIAN STATE
(THE END OF XVIII - AT THE BEGINNING OF XIX C.)**

The article deals with the projects and ideas about the issue of the North Caucasus integration into the Russian Empire at the end of the XVIII - the beginning of the XIX centuries developed by the region's military authorities.

Key words: Military and Political History of the North Caucasus, integration processes, the military authorities, P.S. Potemkin, P.D. Tsitsianov, Intellectual History.

Расширение южных границ Российской империи в XVIII в. и постепенное включение в ее состав Северного Кавказа поставило перед правительством сложную проблему выработки взаимоприемлемых форм и методов интеграции вновь присоединяемых территорий в административно-правовое, экономическое и культурное пространство страны. Поскольку формирование общегосударственного единства происходило в сложной военно-политической обстановке, одну из главных ролей в этом процессе сыграли российские военные. Сосредоточив в своих руках одновременно и военную и гражданскую власть, представители высших военных кругов высказывали идеи и предлагали конкретные проекты включения Северного Кавказа в общую структуру России: от жестких силовых методов до компромиссных решений, основанных на изучении психологии и традиций горских народов. Рассмотрению исторических личностей, находившихся в управлении Северным Кавказом на рубеже XVIII–XIX вв.,

характеристике их взглядов и конкретных мероприятий, направленных на формирование российской государственности в крае и посвящено настоящее исследование.

Исторические личности, стоявшие у истоков формирования российско-кавказского государственного единства, неоднократно становились предметом пристального изучения ученых-историков. Активно данная тема начинает разрабатываться со второй половины XIX в. в условиях завершения Кавказской войны и перехода к следующему, мирному этапу развития новой окраины России. В этом отношении заслуживают внимания обобщающие труды Д. И. Романовского [6], Н. Ф. Дубровина [3], В. А. Потто [5], С. С. Эсадзе [10] и др. Не мало в изучение темы было внесено советской исторической наукой [7]. Однако в силу существовавших идеологических установок в работах советских исследователей роль «царских генералов» в интеграционных процессах не получила объективного

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ в рамках проекта проведения научных исследований «Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII – XIX вв.», проект № 14-01-00251.

освещения, представляясь исключительно с негативной стороны, как проводников «царской политики колониализма» на Кавказе.

В современной исторической науке наметился отказ от преимущественного изучения «объективных» социально-экономических и политических сюжетов присоединения Северного Кавказа к России. Многие исследователи начинают обращать внимание на роль субъективного фактора, конкретных людей и идей в формировании и реализации интеграционных процессов [8].

Для раскрытия темы использовались в первую очередь обширные документальные материалы, опубликованные на страницах «Актов, собранных Кавказской археографической комиссией» [1, 2]. Это многотомное издание, вышедшее в свет еще во второй половине XIX в., и в настоящее время остается незаменимым источником информации для исследователя-кавказоведа. Его материалы, дополненные опубликованными на рубеже XX–XXI вв. тематическими подборками архивных документов [4], позволяют воссоздать весьма многообразную, а порой и противоречивую картину деятельности военной администрации на новой северокавказской окраине России.

Создание административно-территориальной единицы на Северном Кавказе в границах Российской империи относится к концу XVIII в. и связано с образованием в 1785 г. Кавказского наместничества. Его первым руководителем стал граф Павел Сергеевич Потемкин – генерал-поручик, двоюродный брат светлейшего князя Таврического Г. А. Потемкина. Среди современников он снискал репутацию боевого генерала. Службу Павел Сергеевич начал в лейб-гвардии Семеновском полку (1756 г.) и, не без помощи своего высокопоставленного родственника, довольно быстро продвинулся по служебной лестнице. Весной 1774 г. Потемкин был произведен в генерал-майоры, затем возглавил секретную комиссию по расследованию причин Пугачевского восстания и наконец в 1782 г. был направлен на Кавказ для командования войсками, расположенными на Азово-Моздокской линии. С образованием Кавказского наместничества Павел Сергеевич получил

звание генерал-губернатора Саратовского и Кавказского и одновременно в управление обширные территории Центрального и Восточного Предкавказья.

Человек своей эпохи, трактуя взаимоотношения России с народами Кавказа как «противостояние цивилизации и варварства», П. С. Потемкин в своей административной практике придерживался принципа «разделяй и властвуй». По описанию В. А. Потто, «он окружил себя многочисленной свитой, давал роскошные праздники, и горские князья лучших фамилий всегда толпились около него со своими уорками и узденями. Потемкин ласкал этих представителей черкесской аристократии, дарил и покупал их золотом... Он этим путем унавал обо всех враждебных предприятиях и, принимая своевременные меры, успевал разрушить их в самом зародыше. Но главной системой его политики было... – поддерживать между горцами постоянные распри и, помогая слабым, не давать усиливаться тем, которые могли быть опасны для русских» [5, с. 130–131]. При этом, внимательно рассматривая основные направления деятельности этого высокопоставленного военного чиновника, нельзя не отметить его стремление к гибкой политике, направленной на долгое и взаимовыгодное сотрудничество. «Отражая набеги горцев, ведя дипломатические сношения с Персией и Грузией, – писал В. А. Потто, – он в то же время в тиши кабинета обдумывал, а затем и приводил в исполнение много полезных мер» [6, с. 132].

Стремясь как можно большее количество представителей кавказских земель привлечь на сторону российского правительства, Потемкин исходатайствовал у Екатерины II Высочайшее повеление об обращении Большой и Малой Кабарды в поселенное войско с тем, чтобы кабардинцам, поступившим на русскую службу, выдавалось жалованье. Большое внимание П. С. Потемкин уделял колонизации края выходцами из различных губерний Российской империи, активно заселяя местности, расположенные по рекам Кума, Калаус и Егорлык. При нем же из бывших российских крепостей были учреждены города: Екатериноград, Ставрополь, Георгиевск

и Александровск, а Кизляру и Моздоку, находившимся в ведении военного начальства, даровано право пользоваться городовым положением. В дальнейшем развитие и благоустройство российских городов на Кавказе как центров распространения экономического и культурного влияния на местное население станет одним из приоритетных направлений деятельности военной администрации в крае.

Наконец, П. С. Потемкин был в числе первых военных деятелей, которые настаивали на необходимости изучения горских народов. Составленное им в 1784 г. «Краткое описание о кабардинских народах», включающее в себя весьма разностороннюю этнографическую информацию, положило начало непосредственного участия военной администрации в организации сбора данных о северокавказском населении. В XIX веке в условиях Кавказской войны, осознавая зависимость эффективности принимаемых решений от точных данных о географии, этнографии и местной статистики, российское командование инициировало изучение региона в различных формах: от разведывательных экспедиций в горы до составления военно-статистических обзоров отдельных районов Кавказа офицерами Генерального штаба. Главным итогом развития данного направления стало создание в 1850 г. при непосредственной поддержке Кавказского наместника М. С. Воронцова Кавказского отдела Русского географического общества.

Судьба П. С. Потемкина недолго была связана с Кавказом. В 1787 г., когда началась русско-турецкая война, Павел Сергеевич был отозван в Дунайскую армию. Обрато он уже не вернулся, хотя и сохранял за собой звание Кавказского наместника до момента его упразднения в 1791 г.

После включения в состав Российской империи Восточной Грузии (1801 г.), административный центр переместился в Закавказье, в Тифлис, а для управления вновь присоединенными территориями была учреждена новая должность главнокомандующего Грузией. В 1802 г. на эту должность

был назначен генерал-лейтенант князь П. Д. Цицианов. Одновременно он являлся инспектором Кавказской линии и астраханским военным губернатором.

Павел Дмитриевич Цицианов своим происхождением и внутренними качествами как нельзя лучше подходил занимаемой должности. Природа наделила Цицианова большим умом, энергией, твердым и решительным характером. Происходя из грузинской княжеской фамилии, переселившейся в Россию в начале XVIII в., он был родственником супруги последнего царя Грузии Георгия XII. Павел Дмитриевич сохранял родственные связи и отношения, которые позволяли ему лучше понять вверенный его управлению край. У нового главнокомандующего уже был некоторый военный и административный опыт на Кавказе: в 1796 г., во время Персидского похода он являлся одним из ближайших помощников графа В. А. Зубова, а в 1796–1797 гг. был комендантом Бакинской крепости.

При вступлении в управление краем Цицианову прежде всего вменялось в обязанность исследовать на месте и удовлетворить жалобы грузин на предшествующее правление. Он должен был дать почувствовать грузинскому народу, «что ни отдаленность, ни трудность сношений не воспрепятствуют ему участвовать в благодати российского управления, и что никогда не будет он иметь причин раскаяться, вверив судьбу свою России» [2, с. 3].

Еще более остро, чем на территории Грузии и мусульманских провинций Закавказья, перед военной администрацией стояла задача введения эффективных форм управления на территориях расположенных по северную сторону Главного Кавказского хребта. Горские народы нередко с оружием в руках отстаивали свою независимость. В условиях эскалации военного противостояния вопросы экономического и гражданского устройства края неминуемо отодвигались на второй план. Первые шаги российской администрации были направлены на установление мер, позволяющих если не управлять, то контролировать

управление на присоединенных территориях. Как писал историк С. С. Эсадзе: «Приходилось довольствоваться поддержанием существовавшего у горцев порядка управления, вытекавшего из народных обычаев и религиозных убеждений» [10, с. 168].

Излагая общие принципы управления, в своем рескрипте на имя Цицианова Александр I писал: «... Что касается до горских народов, то едва ли не лучшею или не коренною политикой нашей существовать должно, дабы отвращать между ними всякое единомыслие...» [2, с. 9] Такой подход к методам управления применялся российскими властями на Северном Кавказе и ранее. Однако Цицианов довольно скоро должен был признать, что жесткая и бескомпромиссная политика по принципу «разделяй и властвуй» далеко не всегда приводит к ожидаемому результату. «Главная система, доселе ничего твердого и к улучшению нравов их произвести не могущая, – напишет в своем рапорте на имя императора Цицианов в 1804 г., – состоящая в том, чтоб уздени или нижняя степень народа сего была в несогласии с князьями, родами их кичащимися, тем паче что, держа их в беспрестанной между сими двумя состояниями войне, а потому способствуя делаться воинами, мы тем, так сказать, подливаем масло на огонь, могущий погаснуть» [2, с. 953].

Понимая бесперспективность разжигания такой «непримиримой распри» для утверждения общего спокойствия в крае Цицианов разработал альтернативный проект «умиротворения» Кабарды. Представленный в 1804 г. Александру I, он, скорее всего, касался всех горских народов и олицетворял собой те основные направления в политике российского правительства, которые должны были преобладать, по мнению Цицианова, в деле сближения Северного Кавказа и России [5, с. 209].

В своем проекте главнокомандующий предлагал придать Кабарде статус внутренней провинции, с особой формой управления. Прежняя система управления, основанная исключительно на «обуздании лютой», должна была заменяться новой, базирующейся на следующих принципах: «1) на перемене их

(горцев – Т. К.) воспитания, 2) на введение в Кабарду роскоши и 3) на сближение оной с российскими нравами, покровительствуя наружно их веру и умножая случаи к общению с российскими» [2, с. 959]. При этом Цицианов указывал на необходимость оказывать со стороны правительства покровительство мусульманской религии, не отказываясь в то же время от мероприятий по распространению христианства среди населения. «Необходимо нужным признаю, – отмечает он, – в Георгиевске и Константиногорске построить казенным коштом мечети и позволить, имея муллу, отправлять служение, особливо в торговые дни, ибо всякий народ, призванный к вере, питает в душе своей почтение к тому, кто покровительствует оную» [2, с. 953]. Высказанные Цициановым принципы государственного-конфессиональных отношений, получили свое дальнейшее развитие и конкретизацию в проекте кавказского наместника А. И. Барятинского по восстановлению православного христианства на Кавказе в конце 50–начале 60-х гг. XIX в.

Особую роль отводил Цицианов «перемене воспитания» горской молодежи, основанной на том, что «младенец знатного дома родившийся, отдаваясь на воспитание узденю или подданному князя, не возвращается в дом свой, доколе возмужав, не отгонит искусно табуна или не увлечет христианина в плен» [2, с. 953]. Учитывая глубокие воинские традиции горских народов, главнокомандующий призывал дать возможность кабардинской молодежи получать военное образование для последующей службы в российских войсках. Более того, Цицианов высказал идею включения горских формирований в императорскую гвардию. «Если бы сверх сего вашему императорскому величеству благоугодно было повелеть набрать из кабардинцев Кабардинский гвардейский эскадрон... с сменой через 3 года, то при отличии, коим они должны почитать сию службу, произойдет в них вкус к лучшей жизни, познают роскошь столицы, поражены будут позорищем (видом – Т.К.) великолепия и богатства и в 3 года пребывания в Петербурге научатся по-русски. Князьям же дорога откроется

к службе и сим средством, по мнению моему, сблизятся они с благонаравием и предпочтут спокойную жизнь жизни хищников и разбойников» [2, с. 953].

Эта идея Цицианова в дальнейшем нашла свое воплощение в виде учрежденного в 1828 г. лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона собственного его величества конвоя. В его рядах прошли службу представители многих знатных фамилий горских народов, а сам он в период активных военных действий на Северном Кавказе имел значение «проводника» просвещения и мирных взглядов на сосуществование с Россией среди северокавказского населения.

Кроме того, значительное место в плане «умиротворения» Кабарды Цицианов отводил экономическим рычагам, под которыми в первую очередь понимал развитие с горцами беспошлинной торговли и местных промыслов. «В Екатеринограде, в Георгиевске и в Константиногорске не только съестные припасы, как они и ныне продаются, но и всякие домашние произведения, лишь бы были их собственные, позволить ввозить и продавать беспошлинно; таможня от того мало потерпит, но во взаимность Империя в последующие времена получит ощутительную пользу, а именно: ремесла умножатся в Кабардинской области, кочующая жизнь истребится, деньги появятся обильно в оной, а наконец – богатства и

сбережение его укротит их в хищничествах и исправит нравы...» [2, с. 953].

Все эти меры по отношению к Кабарде предлагалось вводить постепенно и запастись терпением, т.к. только смена нескольких поколений могла бы привести к желаемому результату. К сожалению, преждевременная смерть помешала Цицианову реализовать свои идеи на практике. В 1806 г. он был вероломно убит бакинским ханом.

Военные действия в Закавказье, а затем последовавшая Отечественная война 1812 г. не позволили реализовать многие идеи, высказанные представителями российской военной администрации на рубеже XVIII–XIX вв. Тем не менее разработанные ими проекты характеризуют их как людей, стремившихся гибкими политическими и экономическими мерами показать северокавказским народам преимущества их дальнейшего развития в составе России.

Многие идеи и проекты, предложенные П. С. Потемкиным и П. Д. Цициановым, стали востребованными в 40–60-е гг. XIX в., а их реализация способствовала завершению Кавказской войны. Не случайно знаменитый наместник Кавказа князь М. С. Воронцов, с именем которого исследователи связывают поворот к мирному сближению с народами Северного Кавказа, не раз говорил, что считает себя только продолжателем планов П. Д. Цицианова и исполнителем его предначертаний.

Литература

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее – АКАК). Под ред. А.П. Берже. Т. I. – Тифлис, 1866.
2. АКАК. Т. II. – Тифлис, 1868.
3. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. V. – СПб., 1887.
4. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб., 2005.
5. Потто В.А. Кавказская война. Т. 1. Репринт. изд. – Ставрополь, 1994.
6. Романовский Д. Кавказ и Кавказская война: Публ. лекции, прочит. в зале Пассажа в 1860 г. Ген. штаба полковником Романовским. – М., 2004.
7. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI – XIX веках. – М., 1958.
8. Ткаченко Д.С., Колосовская Т.А. «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти...» Социокультурная деятельность Кавказской армии [по воспоминаниям и исследованиям современников]. – Ставрополь, 2011.
9. Утверждение русского владычества на Кавказе. Под ред. В. А. Потто. Т. I. – Тифлис, 1901.
10. Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. – Тифлис, 1907.